Нулевой километр

Автор:
Юлия Резник

Нулевой километр

Юлия Резник

– Зря это все, – шепнул Семен.

– Что именно? – уточнила та, касаясь носом его ненормально горячей кожи.

– Все. Ничего ведь у нас не получится. Так, только нервы друг другу попортим.

– Почему ты так в этом уверен? – в глазах Дуни блеснули слёзы.

– Потому что мы с тобой слишком разные. Сама подумай, где ты, а где я? Усвистишь поступать в свою столицу и…

– Никуда я без тебя не поеду!

– Ещё как поедешь. – в голос Семена тогда впервые закрались те самые интонации, которые годы спустя будут заставлять неукоснительно соблюдать команды подчинённых ему бойцов.

– А ты? Ты за мной поедешь?

– Может быть, Дунь, может быть…

Нулевой километр

Глава 1

Это был последний день лета, но здесь, на побережье, об этом ничего не напоминало. Время как будто застыло в вязком мареве, поднимающемся от асфальта. В гомоне туристов, кислом запахе пива и готовящегося шашлыка. Дуня впитывала в себя эти ароматы неспешно и по чуть-чуть. Боясь, как бы ей не сделалось совсем плохо. Она еще не отошла от своей поездки в такси, напрочь пропитавшемся крепким мужским духом, куревом и бензином.

Дуня сделала глубокий вдох. Даже воздух в этом городе был совсем не таким, к какому она привыкла. Более вязким и плотным, что ли? Здесь вообще все было не так.

Пока Дуня пыталась отдышаться, раздолбанная девятка, на которой она приехала, лихо развернулась и, взвизгнув шинами, скрылась за понастроенными кое-как, без всякого порядка и логики, сувенирными лавками. Ко всем витающим в воздухе ароматам добавился запах жженой резины. Дуня поняла, что если сейчас не найдется, за что ухватиться, то попросту упадет. Понял это и проходящий мимо парень.

– Эй! Ты чего? Плохо? – усмехнулся он, обхватываю Дуню за талию.

– Ага. Немного укачало. В такси, – пискнула та, сделала еще несколько вдохов и, наконец, нашла в себе силы открыть глаза. Чтобы тут же зажмуриться снова. Уже потом, дома, лежа в своей кровати и перебирая в памяти события минувшего дня, Дуня со смехом подумала о том, что если бы они были в мультике, в тот момент непременно должны были бы зазвучать фанфары или какая-нибудь красивая лирическая баллада, но, конечно, в реальности ничего подобного не произошло. Он только улыбнулся снова кривой улыбкой пирата, перехватил поудобней зажатые в руке шампуры с шашлыком и скомандовал:

– Пойдем. Тебе нужно выпить чего-то холодного.

И Дуня, не задумываясь, пошла за ним. В тесный проход между все теми же кое-как понастроенными уличными кафе и сувенирными лавками.

– А вот и моя забегаловка.

Парень махнул рукой в сторону неказистой барной стойки с пивным сифоном на ней. С трудом выдавив из себя улыбку – ей все еще было не по себе, Дуня осмотрелась. Заведение, куда ее привел парень, представляло собой обычное уличное кафе. Красные пластиковые столы и стулья располагались под навесом с рекламой Кока-Колы. А в глубине, уже в капитальной части строения, находился бар, который отделялся от кухни тонкой гипсокартонной стенкой. Пока парень отсутствовал, у бара успела собраться небольшая очередь – пузатый мужик в плавках, нервная женщина с двумя детьми и пожилая пара. А вот за столиками людей практически не было. То ли заведение не пользовалось особенной популярностью у туристов, то ли дело было во времени – уже не утро, но еще и не обед.

– Пойдем. Я тебе налью воды.

Завидев бармена, пузатый мужик что-то недовольно буркнул, а тому было как будто и все равно. Кивнув Дуне на свободный стул, он скрылся за шторкой, отделяющей бар от кухни, наверное, чтобы отдать шашлык на выдачу. А когда вернулся, первым делом поставил перед ней обещанный стакан воды. И только потом взял в работу первый заказ.

– Четыре пива и сухарики с хреном. Да смотри, не разбавленного. А то знаю я…

Никак не прокомментировав слова жиртреста, парень подмигнул Дуне и достал из-под стойки упаковку больших одноразовых стаканчиков. Щеки девушки обожгло. Зная эту свою особенность – чуть что краснеть, та поспешила спрятаться за стаканом. Сделала несколько жадных глотков. Вода была холодной и вкусной. Но почему-то менее жарко Дуне не стало. Облизав губы, она бросила на парня короткий взгляд из-под ресниц. Прижала пульсирующие запястья к все еще прохладному, запотевшему боку стакана. Но и это не помогло. Чем больше она за ним наблюдала, тем сильней колотилось ее сердечко. Разгоняя по телу что-то новое, совершенно ему неведомое. Дуня поерзала. Сжала с силой круглые молочно-белые коленки. Безуспешно пытаясь справиться со свалившимся на нее наваждением. Подумаешь… парень. Что она,

их не видела? Видела! Может, даже самых красивых из ныне живущих. Итальянцев там, и испанцев. А этот ведь даже красавчиком не был. Высокий – это да, жилистый, с короткой стрижкой и холодным взглядом из-под насупленных бровей, одну из которых пунктиром пересекал шрам.

– Ну, рассказывай.

Дуня вздрогнула, застигнутая врасплох.

– Что рассказывать?

– Для начала, как тебя зовут.

– Дуня! – выпалила и чертыхнулась, потому как это «Дуня» звучало совсем несолидно, будто ей снова пять. – Евдокия, – поправила себя, взволнованно облизав губы.

– А я – Семен. Будем знакомы.

Семен взял с полки стакан, плеснул себе воды из графина и отсалютовал ей своим стаканом. Дуня зачарованно наблюдала за тем, как губы парня касаются края, как он запрокидывает голову и пьет, отчего его кадык прокатывается туда-сюда под плотной загорелой кожей.

– Может, хочешь выпить чего-нибудь из меню? Или поесть? Дядя Рубен готовит лучший шашлык на всем побережье.

Дуня побелела и качнула головой. Мысль о еде ее до сих пор не прельщала. Только теперь, она была готова поклясться, мутило ее от волнения. И того неопределенного томления, природу которого ей лишь предстояло постигнуть.

– Н-нет. Только не шашлык, – она снова поерзала, понимая, что, отказавшись от еды, она лишила себя дальнейшего повода здесь оставаться. – Но я могу выпить коктейль! – выпалила следом.

– Выбирай, – смуглые пальцы подтолкнули к ней что-то очень отдаленно напоминающее барную карту. Дуня растерянно на нее уставилась. Сказать, что

она разбиралась в алкоголе – значит соврать. За границей, где она жила очень долго, никому бы и в голову не пришло предложить ей спиртное. Дуне было семнадцать, а выглядела она и того младше.

– Э-э-э… Давай остановимся на самом популярном, – выкрутилась она, когда, обслужив очередного клиента, Семен подошел к ней снова.

– Точно? – вздернул тот бровь со шрамом. И так на нее глянул, что у Дуни вмиг пересохло во рту.

– А что не так?

– Самый популярный коктейль называется Бабоукладчик.

Дуня свела брови. Иногда она ловила себя на том, что из-за своего долгого нахождения в чужой языковой среде у нее возникают некоторые проблемы с коммуникацией. Грубо говоря, некоторые фразы доходили до нее, как до жирафа. С опозданием. Видимо, Семен это тоже понял. Потому что его улыбка стала чуть шире. Дуне стали видны его крепкие зубы и даже небольшой скол на левом клыке.

– Э-э-э, Бабоукладчика мне не нужно. Давай остановимся на чем-нибудь более безопасном.

– Безалкогольный мохито?

– Угу.

Семен склонился над стойкой. Достал из специальной станции колотый лед, лайм, мяту и бутылку Спрайта. Все быстро смешал и протянул ей. Дуня благодарно кивнула.

– Так куда ты все-таки направлялась? Явно не на пляж. – Семен обвел Дуню многозначительным взглядом, непрозрачно намекая на её далеко не пляжный прикид. Строгую блузку на пуговичках, стильные брюки-бермуды.

– Это да. Вообще-то я должна была встретиться с директором школы. Но ту вызвали на какое-то совещание, я и решила дождаться ее здесь. Ну, не в смысле здесь, – Дуня взмахнула рукой, – а у моря.

– И по итогу моря даже не увидела? – вновь усмехнулся Семен.

– Угу. Здесь все застроено. Так странно. На западе застройка прибрежных зон ведется совершенно иначе. Более продуманно. А тут я даже не смогла отыскать выход к воде, – очень гордясь тем, что, наконец, сказала что-то действительно умное, Дуня распрямила плечи. Но Семен, похоже, ее умными речами не впечатлялся и отреагировал совсем не так, как она надеялась. Откинув лохматую голову, он весело захохотал:

– Только никому из местных аборигенов это не рассказывай. А то тебя депортируют. Кстати, куда?

– К-куда? – непонимающе переспросила Дуня.

– Ну, ты откуда такая приехала?

«Какая – такая?» – хотелось спросить, но вместо этого Дуня пожала плечами:

– Из Лондона. Но я гражданка этой страны. И депортировать меня не смогут.

Семен задумчиво кивнул. И уставился на неё так… странно. Дуня почувствовала, как в ответ на этот взгляд в ней натягивается тонкая невидимая струнка. Все сильней. И сильней. Она допила свой коктейль, отставила стакан, понимая, что пора уходить, но внутренне к этому не готовая.

– Пойдем!

– К-куда?

– Покажу тебе море.

– А как же твоя работа? – проявила благоразумие Дуня, стараясь не показать, какой счастливой ее сделало это приглашение.

– У меня перерыв, – бросил Семен, выходя из-за стойки. – Эй, Мариам! Услада глаз моих, подмени меня на несколько минут за баром.

– Сёма, паразыт, я все слышу! – раздался мужской голос с сильным армянским акцентом. А следом за этим из-за шторки выплыла красивая девушка необъятных форм.

– И не надоело тебе отца дразнить?! – широко улыбнулась она.

– Даже не думал! Вот окончишь школу – так сразу на тебе и женюсь.

– Смотри, чтобы я ранше тебе женилку не оторвал! – пригрозил тот самый мужской голос с акцентом.

Семен и Мариам проказливо переглянулись.

– Это моя одноклассница, – пояснил Семен, когда они с Дуней отошли от бара. – И младшая дочь Рубена. – Ткнул пальцем в кричащую вывеску «У Рубена». Оказывается, именно так называлось кафе. Залипнув на этой самой вывеске, Дуня не сразу заметила кое-что другое. Собственно, то, ради чего Семен ее сюда и привел. Бескрайнее синее море, уходящее за горизонт. Так вышло, что из-за причудливого гористого рельефа береговой линии боковая терраса кафе, которая из центрального зала толком даже не была видна, будто нависала над другими забегаловками, сувенирными лавками и детскими аттракционами. И с нее открывался тот самый изумительный вид. Дуня подошла к заборчику, сделанному из ярко-красного уродливого профлиста, обхватила край пальцами и подставила горящие щеки легкому бризу.

Всем своим хрупким телом, каждой косточкой, каждой жилой Дуня чувствовала, что он стоит за спиной. Так остро. Почти невыносимо.

– Значит, ты тоже учишься в школе? – просипела она, понимая, что молчание уж слишком затянулось.

– Скорее мучаюсь. Но, слава богу, остался последний год.

– А в какой школе? Случайно не в двадцать четвертой? – выпалила Дуня, по-детски скрестив пальцы за спиной.

– Ага. В ней. Значит, ты тоже?

– Да! – такое короткое слово, а ее голос сорвался, выдавая волнение.

– Что, и в какой класс попадешь, знаешь?

– Нет. Еще нет. Я только документы привезла. Ой! Моя сумочка… – опомнилась Дуня. – Я забыла ее на баре.

– Это ты зря. Пойдем.

Он взял ее за руку и повел вверх по ступеням, под аркой, увитой диким виноградом, которая казалась дышащим живым существом из-за гудящих где-то там, среди сочной зеленой листвы, пчел.

– Мариам, ты не видела Дуниной сумочки?

– Нет, – покачала головой Мариам. – А на стуле нет?

– Нет.

– Может, завалилась за барную стойку?

Со все нарастающим волнением Дуня следила за тем, как Семен наклонился, пошарил рукой в образовавшейся нише…

– Твою ж в бога душу мать! И пяти минут не прошло. Вот уроды, – выругался он неожиданно зло и даже пнул табурет. Тот издал странный звук, будто тоже был живым, и ему сделалось больно. – Что в сумке-то было? – резанул взглядом.

– Все. – Дуня спрятала лицо в ладонях. – Все мои документы, выписки об успеваемости. Переведенные и нотариально заверенные. Паспорт… Оба.

– Оба?

– Ну, да. Внутренний и загран. А в нем… Черт! В нем же все визы. Ой, мамочки. Отец меня точно прибьет.

– Что здэс слючилось?

– У рыжей сперли сумку, вот что! – рявкнул Семен на ни в чем не виноватого в общем-то Рубена. То, что к ним вышел сам хозяин кафе, Дуня поняла сразу. Несмотря на все то отчаяние, что захватывало ее все сильней. И это «рыжая»… И ощутила ярость в голосе Семена, совершенно несоизмеримую с тем, что произошло, и абсолютно ей непонятную.

– Ты ничего падазрителного не видэла? – обратился Рубен к дочери.

– Нет. Здесь как раз народу набежало. Вот кто-то и спер под шумок. Эй, Дуня, кажется? Да ты не расстраивайся так. Сядь, вот, выпей водички…

– И марожэное! Хочешь? За счет заведения, – забеспокоился Рубен.

– Нет, думаю, мне не стоит терять время. Нужно идти в полицию.

– В полицию? – усмехнулся Семен. – Черт, детка, ты не в Лондоне. Здесь твое барахло никто не станет искать. Город курортный – нераскрытых висяков тьма.

Дуня не знала, что такое «висяк», но общий смысл сказанного вроде бы поняла. И оттого совсем растерялась:

– Что же мне делать?

– Что-что. Мороженое ешь, раз дают. И родителям звони.

– Л-ладно… Только мой телефон тоже был в сумочке.

– Звякни с моего, – нахмурился Семен и протянул ей древнюю Нокию с трещиной через весь экран. – Если отец убьет, звони лучше матери.

– У меня матери нет. Да и папа не злой. Это я так ляпнула…

Семен коротко кивнул. И вдруг его взгляд резко метнулся в сторону. Не сумев скрыть любопытства, Дуня проследила за ним. Вниманием парня целиком и полностью завладела длинноногая фигуристая блондинка.

– А вот и наша принцесса, – вздохнула Мариам и неосознанным жестом прикрыла выступающие через одежду складки жира на животе.

Глава 2

Она была явно не от мира сего. Но вовсе не потому, что огромные необычного леденцового цвета глаза делали ее похожей на инопланетянку. Дело было вообще не во внешности, хотя, конечно, та у Дуни была весьма и весьма примечательной – рыжие густые волосы, собранные в аккуратный хвост, невысокий рост, угловатая мальчишеская фигура и поразительно белая, словно светящаяся изнутри кожа. А ее манеры? А прикид? Семен не слишком разбирался во всяких там брендах, но он готов был поклясться, что тот стоил примерно столько, сколько большинство приезжающих сюда туристов тратили за все время отдыха. Такую девчонку, как Дуня, скорее можно было увидеть в закрытом пансионе благородных девиц, чем здесь, в кафе «У Рубена».

– Осторожно, Сёмушка, еще немного, и я начну ревновать, – тихо, не привлекая к ним внимания, шепнула Вета и так же незаметно игриво ущипнула его за задницу.

– А ты умеешь? – спросил Семен, утопая в её густо подведенных глазах. Вета закусила губу и, ничего ему не сказав, отвернулась. Ну, и за каким чертом он это ляпнул? Знал ведь, как будет! Ненавидя себя за мелькнувшую было надежду, чувствуя, как на щеках выступают желваки – явные признаки готовой вырваться из-под контроля ярости, Семен уставился вслед выезжающему со стоянки Мерседесу. Как он и думал, отец Дуни был явно небедным парнем. Но это не помешало ему найти общий язык с дядей Рубеном и тетей Лали. Семен не заметил в нем абсолютно никакой чванливости, свойственной сильным этого мира. Например, отцу той же Ветки.

– Хороший мужик! – заключил Рубен. – Сказал, что будэт здэсь что-то строить. Какой-то у него контракт с городской администрацией.

– А, так это, наверное, Степанов? – оживилась притихшая было Вета.

– Степанов?

– Угу. Архитектор. Отцу пришлось его из самой Италии выписывать. Как будто у нас своих архитекторов нет.

– Есть. И что они понастроили, мы видим, – усмехнулся Семен, кивая в сторону кое-как натыканных забегаловок, заполонивших набережную. Ветке его замечание явно не понравилось. Она недовольно свела тонкие брови и поджала губы со вкусом бабл-гам.

– Выходит, рыжуха будет учиться с нами, – буркнула Сандалова. – Ну, что мы стоим на такой жаре? Пойдемте, я голодная – просто жуть. Дядя Рубен, побалуете меня своим фирменным?

– А как же, Вэточка? Все по висшиму разряду!

Ветка подхватила дядю Рубена под локоть и повела за собой. Следом двинулись Мариам и Семен. К обеду духота стала совершенно невыносимой. Ни сквозняка, ни ветра. Воздух будто застыл. Семен скосил взгляд на Мариам. Из-за лишнего веса той было довольно нелегко шагать в горку, хотя тут и было идти всего ничего. Когда они вернулись в кафе, у Мариам по лицу градом катился пот. Она тайком достала салфетку, промокнула лоб и смела мелкий прозрачный бисер над губой.

– Проводили? – выглянула из-за шторки тетя Лали.

– Ага.

– Бедная девочка! Это же надо… В первый день, и такие неприятности.

Ага. Бедная. Семен вернулся за барную стойку, перед которой опять успела выстроиться длинная очередь. Машинально обслуживая посетителей, он

прикидывал в уме, есть ли шанс найти сумку девчонки целой. Но одно дело, если бы ту сперли свои, а совсем другое – понаехавшие. Среди первых у Семена имелись кое-какие связи и авторитет. А вот среди последних – сами понимаете. Надежду вселяло лишь то, что ворам вряд ли были нужны чьи-то документы. А значит, те избавились от них первым делом. Знать бы еще, как?

Семен подтолкнул два стакана мохито веселым девчонкам лет двадцати, игриво им подмигнул и принялся выбивать чек, когда поймал взгляд Веты. Утихнувшая злость вспыхнула с новой силой. Краснов не знал, какого черта продолжает их отношения. Это было унизительно, с какой стороны ни посмотри. Да, может, он и не хватал звезд в учебе, но ведь и совсем дураком не был. Семен понимал, что Вета его стыдится. Понимал, но почему-то ничего не делал для того, чтобы положить конец этой унизительной истории. В его голове звучало два голоса – один возмущенно нашептывал ему что-то вроде: «Эй, Сема, какого черта? Где твоя гордость? Неужели тебя устраивает быть на вторых ролях?!» А второй издевательски ему вторил: «А что? Вроде ничего нового. Разве ты достоин чего-то большего? Кто? Ты? Ублюдок без роду без племени? Ой, не смеши мои помидоры!».

– Сема, сынок, ты не знаешь, как там Надежда? Уже три. Я не могу до нее дозвониться. Может, она опять заболела?

Семен усмехнулся. Все же тетя Лали была удивительно тактичной женщиной. Заболела… Ага. Как же. Господи, да каждый из присутствующих в этом чертовом кабаке знал, что все болезни его матери – не более чем отговорки. Согласитесь, вряд ли похмелье можно назвать болезнью. По крайней мере, болезнью, заслуживающей снисхождения работодателя. И, пожалуй, самым унизительным для Семена было понимать именно то, что всё они знают, но, щадя его чувства, притворяются, будто верят этим идиотским шитым белыми нитками отмазкам.

Семен откашлялся. Покачал головой:

– Нет, я не в курсе. Но сейчас тоже попробую с ней связаться.

– Спасибо. Мы загнемся на кухне без помощи, – пролепетала тетя Лали, будто извиняясь. Хотя Семену это можно было не объяснять. Он ведь прекрасно знал, как устроена работа кухни. Каждый человек там был как винтик в хорошо отлаженном механизме. Когда выпадал один – под угрозой оказывалась работа

всей команды. Тем непонятней, зачем дядя Рубен все-таки взял его мать на работу. Было у Семена горчащее во рту подозрение, что сделал он это из жалости.

Семен стиснул челюсти, цедя через зубы густой, как клейстер, воздух. Приложил трубку к уху. И, конечно, в ней звучали гудки, но он слышал голоса из такого близкого и такого далекого детства:

«Семен, почему у тебя снова нет тетрадки?»… «Семен, где твоя домашняя работа?»… «Семен, в этой рубашке ты ходишь уже неделю, ее не мешает сменить»… «Семен, господи боже, откуда эти синяки?!»

Нет-нет. Мать его никогда не била. Чего не скажешь о ее мужиках, меняющихся с пугающей регулярностью.

Звонок оборвался. Семен покачал головой в ответ на выжидающий взгляд тети Лали. Спрятал под барной стойкой руки, невольно сжавшиеся в кулаки. Не желая никого напугать. Это будь он один, может, и не сдержался бы. Разнес бы здесь все к чертям, а так… Вдох-выдох. Пока не развеется алая пелена перед глазами.

– Я отработаю за нее, – просипел, делая вид, что не видит обращенных на него взглядов друзей.

– Исключено. Детский труд регулируется законодательством.

– Я не ребенок, – холодно усмехнулся Семен.

– Но еще и не мужчина. – Тетя Лали нежно погладила его по щеке, и он, не посмев ей возразить, как кот потянулся за лаской. Может, он и с Веткой поэтому был? Брал свое, и на том все и заканчивалось. В конце концов, нормальные отношения, отношения с такой, как, например, Дуня, или Мариам, или Юлька Караулова, требовали бы отдачи. В то время как ему нечего было дать. Он чувствовал внутри такую гулкую пустоту, что иногда становилось страшно.

– Насколько я понимаю, твоя смена за баром закончилась.

Семен бросил взгляд на часы. И правда. А он и не заметил, как прошел день.

– Пойду, сдам кассу, – пробормотал он, снимая фартук.

– И сразу на террасу беги. Там ваши собираются.

Послушно кивнув, Семен быстро подсчитал выручку, сдал смену и думал по-тихому свалить. Не то чтобы он не хотел посидеть со своими одноклассниками. Нет. Те были отличными ребятами. По большей части. Просто иногда в их обществе Семен себе казался чужим. Слишком проблемным, слишком сложным, слишком не таким, как все. Возможно, не научись он в свое время драться, его вообще заклевали бы. Ведь пытались. Особенно Митька Сиваков… Семен никогда в жизни не испытывал такого унижения, как тогда, в пятом классе, когда этот придурок во все горло заорал, тыча в его рубашку:

– Не жмет? Мне-то в воротнике давила, – и заржал, точней, попытался, прежде чем Семен его заткнул. Он так поколотил бедолагу, что на одежде, которую для него в качестве гуманитарки по-тихому собирали всем классом, расползлись кровавые пятна. Из-за той драки его даже в детскую комнату милиции вызывали. Ну, и фиг с ним. Он не расстроился. Если в том, что касается учебы, Семен отставал просто чудовищно, то в простых житейских вопросах разбирался получше многих. Он понимал, как важно занять свое место в стае. Можно не лидирующее, к этому он не стремился. Но свое. Отдельное. И готов был на что угодно, чтобы заставить себя уважать.

– О, Сём… Привет!

– Привет, Бык.

– Куда это ты? Там наши все, говорят.

Сема чертыхнулся про себя. Уйти по-тихому не удалось. Он хлопнул друга по спине. Совсем не по-юношески мощной.

– Да вот, тебя увидел, дай, думаю, встречу.

Ребята собрались за небольшим столиком в углу. Что бы там ни говорили, а из их компании тут были далеко не все. Мариам, Ветка, понятное дело, Жека Кравец – с красными, как у мыши, глазами – небось, опять всю ночь за компом провел, он и вот, Ромка Быков.

– Салют, народ.

– Салют, – загудели в ответ, а Вета, недовольная тем, что их появление прервало какой-то спор, лишь небрежно кивнула и продолжила разговор:

– Так вот, отец мне все уши прожужжал про эту рыжую. Говорит, она чуть ли не вундеркинд. Языков знает пять или шесть. И по точным наукам шарит. Я уже представляю лицо нашей Карауловой.

– А что с ней не так? – сощурился Бык, влюбленный в Караулову еще, кажется, с первого класса.

– Ну, привет! Она же всегда была лучшей ученицей школы. А тут придется отдать корону новенькой.

– Это мы еще посмотрим, – набычился Ромка.

– А что тут смотреть, когда все и так ясно? Рыжая училась в самой крутой школе Лондона! Впрочем, тебе простительно, – усмехнулась Вета, – ты слеп от любви.

– Ну, зачем ты так, Ветка? – ткнула Вету в бок Мариам. А Бык хоть весь и насупился, но все ж не стал отрицать очевидного.

– А что я? – захохотала та. – Я, может, наоборот, делаю как лучше! Вот ты, Бык, наконец, набрался бы смелости и признался Юльке в том, что неровно дышишь. Глядишь, может, она бы и ответила. А то так и помрешь девственником.

– А тебе какое до этого дело? Если даже помрет? – неожиданно для других за Быка вступился Женька Кравец. Проснулся, значит, а то все дремал.

– О, еще один задрот нарисовался! – фыркнула Вета. – И вообще, что вы все на меня налетели? Я же как лучше хочу. Смотреть больно, как он по ней сохнет.

– Да тебе просто завидно. Вот и все, – усмехнулся Жека.

– Чего? Что ты сказал? Завидно? Мне?! Да ты хоть отдаленно представляешь, сколько вокруг меня мужиков вертится? Да я кого угодно в этом городе могу выбрать. Больно надо.

Этого уже Семен стерпеть не мог. Он вышел из-за стола, глянул на телефон. Прикинул, когда стемнеет, внутренне уже даже смирившись с тем, что по урнам ему все же придется пройти. У девчонки оставался шанс вернуть документы. И Семен хотел им воспользоваться. Конечно, при дневном свете шарить по мусоркам не хотелось, но возвращаться домой, к пьяной матери, ему хотелось и того меньше. Он быстро спустился вниз по ступенькам, вышел из кафе и осмотрелся по сторонам, прикидывая, где расположена ближайшая урна.

– Эй, Сём, погоди! Ты куда, нормально ж сидели?

Семен обернулся. Ну, надо же. Ее величество соизволило последовать за ним! Прогресс налицо. Да толку? Когда поздно. И ничего уже не хочется.

– Вот и иди, сиди. А у меня еще дела есть.

Решив, что вор, скорее всего, пришел с пляжа, Семен неторопливо двинулся вниз. Несмотря на то, что время двигалось к вечеру, было все еще очень жарко. Его старая футболка в момент прилипла к телу. В кафе дяди Рубена, хоть и плохо, но все ж работал кондиционер.

– Сем, ты чего? Ну, не обижайся. Я ляпнула, не подумав. Бред это все.

– Почему же? Мужики вокруг тебя и впрямь вьются. Наверняка среди них есть и тот, кто понравится твоему папе и его электорату.

– Ты ревнуешь, – усмехнулась Вета, подошла к нему, обхватила покрытое тонкой пленкой испарины лицо и затараторила: – Ревнуешь, ревнуешь, ревнуешь… Ну, ты чего? Я же только тебя люблю.

– Может быть, Вет. Может быть. Да только какая-то больная любовь у нас с тобою выходит, – хмыкнул он и двинулся дальше, а потом все же резко

остановился: – Кстати, если я не ошибаюсь, Мариам твоя подруга?

– И что?

– А то, что хватит ее стебать насчет веса. Это она в компании над собой хохочет, а потом в чулане рыдает, сидит.

– Я не знала.

– Теперь знаешь.

– Ладно. Учту. Так ты вечером придешь на наше место, или будешь и дальше обижаться?

Семен многое отдал бы, чтобы не прийти! Проблема в том, что он не был уверен, сумеет ли удержаться от соблазна. Неправильные чувства к Ветке держали его у ее ног, как собачонку на привязи. Нужно было с этим кончать. Так почему бы не сделать это сегодня? Семен открыл рот, чтобы сказать «Я не приду», но, так ничего и не вымолвив, сжал кулаки и пошел вперед, не разбирая дороги.

Глава 3

Вообще-то ее отец, как и всякий армянин, мечтал о сыне. И в первый раз, и во второй, и уж, конечно, в третий. Но сначала родилась Каринэ, потом Анаит, а еще через семь лет на свет появилась и Мариам. Своих дочерей Рубен обожал. Лучшего отца невозможно было даже представить. Он гордился ими, водил в парк, учил плавать и кататься на велосипеде. И никогда не показывал им своего разочарования. Но все же… Все же Мариам знала, что вместо нее родители с нетерпением ждали рождения Гургена. Может, она и должна была им стать. Скорей всего так и задумывала природа. Ведь какого-то же черта она ощущала в себе что-то неправильное. В ней будто сидел бес, который подстрекал ее вытворить что-то из ряда вон. Например, врубить пожарную сигнализацию в школе – слава Богу, никто так и не узнал, что это была она, или угнать отцовскую машину. Или сигануть вниз с самой высокой скалы, или ввязаться в спор с королевой школы, в который та кроткая добродушная всепрощающая

Мариам, какой ее все знали, никогда бы не посмела вступить. Эту разрушительную скандальную и непривычно дерзкую часть себя Мариам и звала… Гургеном. Почему-то она была свято уверена, что на все эти ужасные вещи ее подбивал именно он. Вот и сейчас Гурген явно вышел из спячки, подстрекая ее оттаскать Ветку за волосы. А та, не зная, как близка к выволочке, все продолжала и продолжала распекать Мариам:

– А это что?

– Пончо.

– Ты его из бабушкиного ковра перешила? То-то, я смотрю, он куда-то делся.

– И ничего я не перешивала, – обиделась Мариам. – По-моему, красивая вещь.

– Да тебе любая цыганка скажет – милая, это перебор. Нет-нет! Твое пончо совершенно никуда не годится, – упрямо покачала головой Ветка и отбросила пончо прямо на пол: – А это что? – снова сунулась в шкаф.

– Юбка, – мучительно покраснела Мариам. Ветка поймала её бегающий взгляд, вытянула перед собой юбку, закрепленную на вешалке на зажимах, придирчиво ту осмотрела и неожиданно похвалила выбор подруги: – Ну, юбка еще ничего. Строгая. Будет стройнить. Только какого хрена ты взяла эмку?

– Думаешь, нужно было все-таки эльку брать? – пролепетала Мариам.

– Да ты даже в икс эль не влезешь! Боже мой…

Вся сила Гургена сосредоточивалась в кулаке. Понимая, что утрачивает над собой контроль, Мариам вздохнула. Ее необъятная грудь поднялась и опустилась. На сердце. Всей своей тяжестью.

– Вообще-то я целый месяц сидела на диете и думала, что похудела, – пробормотала она, чувствуя, как в носу щиплет от подступающих слез и обиды.

– Эй, Мариам, ты чего? Я же не хотела тебя задеть! Я просто… А, дура я. Идиотка. Не обращай на меня внимания. Ты и впрямь похудела. Вот, возьми, с

этой блузкой примерь.

Не глядя на Ветку, Мариам забрала из ее рук вешалки и скрылась за ширмой. Переодеваться при ком-то она стеснялась. Даже при лучшей подруге. Быстро стащив с себя домашнее платье, она первым делом надела рубашку и только потом стала натягивать юбку. Процесс этот был нелегкий. Потому что Ветка оказалась права. Юбка была ей мала. И сколько бы Мариам ни втягивала живот, с какой бы силой не тянула вверх язычок молнии, застегнуть ту не получалось.

Мариам глубоко вздохнула и часто-часто заморгала. Плакать было нельзя. Проще делать вид, что ей все равно. И на свой вес. И на то, что Женька Кравец никогда ей не ответит взаимностью. Она неунывающая веселая пышка. Лучший друг всем. Просто с этим нужно смириться. Да-да, так она и сделает, когда справится с зарождающейся истерикой.

«А вот дала бы этой разукрашенной кукле в лоб, как хотела, уж точно стало бы легче», – зазвучал мерзкий голос в её голове. «Заткнись, Гурген», – шепнула вслух Мариам, вытирая таки потекший нос.

– Ты что-то сказала?

– Говорю, дурацкая затея – эта примерка. Я лучше пораньше лягу спать.

– Еще чего! – рявкнула Вета, проходя за ширму к Мариам. – Ты решила получить Женьку, помнишь?! Ну-ка, втяни живот!

– Я уже пробовала… – вяло сопротивлялась Мариам. – Не получилось.

– Значит, сильней втяни! Давай, еще чуть-чуть осталось.

Сделав, как велели, Мариам пошатнулась. Молния жалобно вжикнула.

– Ну, вот! А ты говорила, – довольно отряхнула ладони Вета. – Вроде бы ничего. Но в следующий раз одежду бери по размеру. Маленькие вещи только подчеркивают… э-э-э несовершенства фигуры.

Мариам кивнула, соглашаясь с подругой. Юбка и впрямь передавливала, из-за чего ее жир вываливался из-под пояса, как подошедшее тесто из кадки. И, в общем-то, нетрудно было предположить, что так и будет, но Мариам прочитала в Лизе, что при желании похудеть вещи нужно брать на размер меньше. Вроде так появится дополнительный стимул сделать это быстрее. Теперь же она заподозрила, что этот глупый совет давал тот, кому худеть в принципе не доводилось.

– Девочки, ну-ка, за стол! Ужинать пора, что вы спрятались? – в комнату к дочери заглянула Лали.

– Я не хочу, мам… – возмутилась Мариам.

– Давай-давай. Отец в кои веки пришел пораньше с работы. Соберемся по-семейному.

– Ладно. Только есть я не буду.

– От одного свежего хачапури ничего не будет, – ласково улыбнулась Лали и ушла.

– Вот как тут похудеешь?

– Исключительно на силе воли. Хочешь, я из солидарности с тобой не буду есть? – вызвалась Ветка. Мариам закусила губу. Вот почему она любила эту дурочку. При всей своей вредности, категоричности и неуступчивости Сандалова все ж была настоящим другом.

– Нет, Вет. Не нужно. Тебе-то зачем мучиться?

В ответ Ветка фыркнула, а когда они вышли к столу, к еде все равно не притронулась. Так и просидела, облизывая голодным взглядом исходящие паром хачапури, тонко нарезанную ветчину, и долму, оставшуюся с обеда.

– … в общем, мы падумали, что вам с Рафиком нужно сходыть в кыно.

Мариам моргнула. Засмотревшись и себе на еду, она прослушала, о чем говорил отец, и потому на всякий случай уточнила, все ли поняла правильно:

– Мне? С Рафиком? А зачем?

– Как зачем? Как зачем? – всплеснул руками Рубен. – Скоро школа закончится, так? Взрослая жизнь начнется. Рафик – хароший парэнь.

– Он мне не нравится, – Мариам поерзала и в поисках поддержки повернулась к Вете.

– Это еще пачиму?

– Потому что он… он волосатый! Весь… Как горилла!

– Паслюшай, да через год с тобой он посэдэет и станет лисым! Подумаешь, волосатый! Вай…

Ветка захохотала, отчего чай, который она прихлебнула, пошел у нее носом. А Мариам было не смешно. Обычно откровенная с матерью, она не могла той признаться, что уже любит. Ведь родители ей ясно дали понять – влюбиться ей лучше в кого-нибудь из своих. Без вариантов. К счастью, и Карине, и Анаит повезло найти среди них свое счастье. И только Мариам по уши втрескалась не в того.

– Не обязательно устраивать свидание прямо сейчас, – примирительно улыбнулась Лали и, как ребенка, потрепала дочь по головке.

– Ну, я, пожалуй, пойду. Завтра в такую рань подниматься, а я уже отвыкла совсем, – зевнула Вета.

Мариам выбралась из-за стола, чтобы выпроводить подругу.

– Не так быстро. Ты кое-что забыла. – Ветка поиграла бровями и ткнула указательным пальцем едва ли ей не в лицо. У Мариам заныло в животе. Она-то думала, что Ветка откажется от задуманной экзекуции.

– Может, не надо, а?

– Надо, Вася, надо! Да ты не очкуй. Это же быстро. Раз – и все.

– Навсегда?

– Почти. До следующего раза…

Сандалова открыла свою сумочку, нетерпеливо её встряхнула и таки достала восковые полоски для депиляции. Закусив губу от усердия, вырезала полоску нужной длины, зажала ту между большим и указательным пальцами и, приблизившись к Мариам вплотную, спросила:

– Готова?

– Нет. Я ужасно боюсь.

– Представь, что тебя целует Кравец.

Мариам зажмурилась, воскрешая в голове улыбчивое лицо Женьки. Она так часто о нем мечтала, что сделать это было совсем несложно. Мариам видела его, как вживую. Так отчетливо – кривую улыбку, только-только начавшую появляться щетину, его музыкальные пальцы, обветренные губы… Как они приближаются, приближаются, замирают в миллиметре от её губ, так что их дыхание смешивается. И от этого у нее в животе оживают бабочки.

– Представила? – ворвался в мечту звонкий голос подруги.

– Да! – выдохнула Мариам.

– И тут он видит твои усы!

– Господи боже…

– Вот именно. Давай уже их выдерем, а?

Мариам еще раз боязливо покосилась на орудие пытки в Веткиных руках.

– Давай! – решительно кивнула. Ветка быстро прилепила полоску у нее над губой. Разгладила пальцем, чтобы воск расплавился и взялся, как следует. А потом, без предупреждения, дернула.

– А-а-а!

– Ну, вот и все. Почти. Осталось пропущенные выдрать…

– Ты садистка! Кажется, я знаю, в какой сфере ты добьешься успеха.

– А в какой же? – Вета сощурилась, вновь придвигаясь вплотную к Мариам.

– В любой, где можно безнаказанно издеваться над людьми. Думаю, из тебя выйдет отличный стоматолог.

– Еще один? – возмутилась Вета. – Нам тебя хватит.

– Я не хочу идти в медицинский. Это совсем не мое, – тоскливо вздохнула Мариам, пожалуй, впервые вот так смело признавшись в том, что ее тревожит. В ответ на, может быть, самое важное признание в ее жизни Сандалова ничего не сказала, разгладила полоску и дернула еще раз. Мариам ойкнула, но уже не так громко, как вначале, потому что боль была гораздо менее сильной.

– Ну, у тебя впереди еще год, чтобы определиться.

– Папа и слушать меня не станет. Медицинский – его идея фикс.

– Ну, а ты чего хочешь?

Мариам тяжело сглотнула. Она много об этом думала. Считай, все лето. Последний школьный год подкрался так незаметно, что застал ее буквально врасплох. Вопрос выбора, который еще недавно, казалось бы, был делом отдаленного будущего, теперь встал перед ней во весь рост. И это было так страшно… Выбирать. Ведь от этого выбора напрямую зависела вся ее жизнь. Вся дальнейшая жизнь. Ой, мамочки!

– Я бы хотела пойти учиться ресторанному делу.

– Серьезно? Я думала, тебе это надоело.

– Почему?

– Ну, не знаю. Все эти курортники, хамство, пьяный угар…

В принципе, в словах Ветки содержалась немалая доля правды. Но дело в том, что в своих мечтах Мариам заходила намного дальше. В этих грёзах она была владелицей элитного ресторана. Со скатертями на столах под хрустальными люстрами, дорогущим фарфором и своим винным погребом. Как и у всякого нормального человека, застывшего на пороге взрослой жизни, буквально в каком-то шаге от нее, мечты Мариам были необычайно дерзкими. Потом так свободно никогда… никогда не мечталось. Лишь осознание того, что все действительно впереди, давало ей смелость заходить в своих мечтаниях так далеко.

– Ну, что? Ты закончила? – сменила тему Мариам.

– Да. Не забудь обеззаразить.

– Ладно.

– Тогда пойдем, закроешься за мной.

Обеззаразить место повреждения Мариам решила чистым спиртом, который нашла в аптечке. Смочила ватку, осторожно растерла место эпиляции и чуть не взвыла. Было больно. Но еще хуже стало потом. Когда она, проснувшись утром, увидела себя в зеркале. Кожа над губой жутко воспалилась и пошла отвратительными пупырышками.

– Мариам, ку-у-ушать! Линейка уже через полтора часа… Боже мой! Это что?

Реакция Лали была такой говорящей, что Мариам всхлипнула, а после и вовсе заревела в голос. Ей было очень стыдно признаться матери, что она решилась

сделать это с собой. Лали потребовалось несколько минут, чтобы понять из надрывных слов Мариам, что же с той случилось на самом деле.

– Моя хорошая, моя красавица… – мать утешала плачущую Мариам, ласково водя пальцами по ее густым тяжелым волосам.

– Никакая я не красавица! Я – жирная уродка. И к тому же с уса-а-а-ами.

– Это просто гормоны… Так бывает, Мариам. Это нормально, – всполошилась Лали, никогда не видевшая свою дочь в таком подавленном состоянии. – Хочешь, тебе это любой врач подтвердит. Скоро ты перерастешь это все! И превратишься в такую красавицу, что все обзавидуются… Ты уже, уже красавица, слышишь?

– П-правда?

– Ну конечно. Давай, вытирай нос и умывайся. Не то действительно опоздаешь.

– А можно я не пойду?

– Можно. Если ты именно этого хочешь. Но решая, подумай о том, что это последний первый звонок в твоей жизни…

В конце концов, после нескольких минут раздумий, Мариам решила пойти на линейку. Хотя от слез раздражение на лице стало только ярче. Она торопливо оделась. Почти без труда застегнула ту самую юбку, наверное, на нервах, несколько похудев, и, больше не задерживаясь, пошла к школе. Знала бы она, чем это закончится…

Глава 4

В школу Дуню все-таки приняли по сохранившимся у её отца копиям документов. И, конечно, не без его непосредственного вмешательства. Дуня понимала, что не имей он связей в администрации города, вряд ли бы ей с такой охотой пошли навстречу. И, тем не менее, лежа ночью в своей кровати, она всерьез размышляла над тем, что для нее, может, так было бы даже лучше. От мысли,

что ей придется вливаться в новый состоявшийся коллектив, у Дуни начинал ныть живот. И вроде ей не впервой это было, но вот чтобы так колотило – первый раз.

Все сильнее волнуясь, Дуня перетрясла весь свой гардероб, перемерила все свои туфли, но так и не определилась, что же надеть. А ведь это было крайне важно! И не только потому, что встречать ее будут, как и всех, по одежке. Но потому, что ее может увидеть Он.

– Добро пожаловать в одиннадцатый «А»! – торжественно заявила директриса и уверенно пожала Дуне руку. – Это самый сильный класс нашей школы. Кстати, в нем учится и моя дочь.

– Класс… – пробормотала Дуня, сглатывая готовый сорваться вопрос «А Семен? Семен в каком классе учится?».

Вот что занимало ее прежде всего на встрече с директором. И фиг его знает, почему так. Дуня даже толком не понимала, чего ей хочется больше – оказаться к Семену как можно ближе, или все ж сохранить необходимую для ясности мышления дистанцию. Это был действительно важный год. Ей, как и всем, следовало сосредоточиться на учебе. Но как? Если с ней случилась любовь? Да к тому же перва-я.

Дуня прополоскала рот и, сплюнув пену в раковину, уставилась на себя в отражении зеркала. Залипла на миг, вглядываясь в бледное, как поганка, лицо, и чуть отошла, чтобы подвергнуть такому же пристальному осмотру все остальное. Дуня была уверена, что с её субтильной фигурой что ни надень – ничего хорошего не получится. На ее фоне выигрывала даже директриса. Дуня сразу отметила пышность её форм. Как и любой другой человек, заострив внимание на том, чего у самой отродясь не было – тонкой талии, крутых пышных бедрах и впечатляющих размерах груди. Чему Дуня не завидовала – так это ее росту. Ольге Петровне с ним тоже не повезло. Чтобы как-то компенсировать свою низкорослость, ей приходилось ходить на огромных каблучищах. Один раз Дуня тоже решила прибегнуть к этому трюку, но вывихнула ногу в щиколотке, даже не отойдя от дома.

– Евдокия! Если ты не поторопишься – будешь добираться сама, – пригрозил отец из-за двери. Дуня встряхнулась и помчалась одеваться. Пусть до школы было

недалеко, дорога до нее, как, впрочем, и все дороги этого города, была кошмарной и заняла намного больше времени, чем отец рассчитывал. Чтобы успеть к началу праздника, они даже не стали заезжать за цветами. Собственно, Дуне и в голову бы не пришло за ними заезжать, там, где она училась раньше, никаких цветов учителям не дарили. И только совсем недавно Дуня узнала, что здесь принято по-другому. Узнала и решила последовать заведенным традициям.

– Так, смотри. Вон, кажется, твой класс. – Ага! Отцу хорошо говорить. Он, вон, какой высокий. Дуня же ни черта не могла разглядеть, кроме чужих спин и затылков. – Пойдем, провожу!

– Пап, я что, маленькая? – возмутилась Дуня.

– Ну, смотри. Как знаешь. Тогда тебе прямо и налево. Твой класс возле тех пальм.

Дуня кивнула. Вцепилась пальцами в лямки рюкзака и, взмахнув отцу на прощанье рукой, стала пробираться в указанном направлении.

– Дуня! Дунь…

– Мариам! Привет.

Их секундная остановка вызвала небольшую пробку в проходе. Кто-то нетерпеливый тут же толкнул Мариам в спину:

– Подвинься! Загородила своей жирной задницей всю дорогу!

Мариам сникла. Опустила плечи, и хоть она очень старательно делала вид, что ничего не произошло, было заметно, что не только произошло, но и порядком задело.

– Вот козел!

– Да не бери в голову. Я привыкла. Вон, кажется, наши! Ты же в одиннадцатом «А»?

– Угу. И ты? – Дуня взволнованно облизала губы и напряженно уставилась в указанном направлении в попытке разглядеть Семена в толпе.

– И я. Видишь, женщина в синем костюме? Ну, такая кудрявая блондинка в очках…

– Вижу!

– Это – Лавруша. Наша классная.

– А почему Лавруша?

– Ну, от Валентины Лаврентьевны.

– А-а-а. Что-то вроде прозвища?

– Ага. Тут они есть практически у каждого.

К своим Дуня с Мариам прорвались, когда линейка уже началась. Стали среди мальчишек в заднем ряду, потеснив галерку.

– Новенькая? – поинтересовался невысокий коренастый парень в голубой рубашке с коротким рукавом.

– Ага.

– Очень приятно. Я – Бык. Или Рома. Это Тамерлан. Там, познакомься с… Как тебя зовут, кстати?

– Быков! Т-ш-ш! – шикнула на парня классуха. Тот примирительно поднял вверх ладони, мол, а я что? Я – ничего. В ответ Лавруша сделала страшные глаза, скользнула взглядом дальше и остановилась на Дуне. «Новенькая?» – спросила беззвучно. Дуня кивнула. Лаврушка смягчилась, улыбнулась гораздо теплей, подняла вверх большой палец и тут же отвернулась к импровизированной сцене, на которую под аплодисменты вышел директор.

– Я – Евдокия! – шепнула Дуня на ухо Быку, – Евдокия Степанова.

– Приятно познакомиться.

– Мне тоже, – подал голос Тамерлан.

Дуня скосила взгляд на мальчишку. Маленький, дистрофично худой, с непропорционально большой головой и слишком длинными по отношению к телу руками, он был таким смешным! Интересно, кому пришло в голову назвать его Тамерланом? Это имя не только ему не шло, но еще как будто сильнее подсвечивало все его недостатки.

– Привет, Тамерлан.

– Вообще-то я Иннокентий, – сухо заметил тот, но тут же изменил тон, когда заметил кое-кого в толпе, – а вот и наша королева! – хмыкнул издевательски.

О ком идет речь, можно было не сомневаться. Вета протиснулась к ним в круг с шикарной корзиной цветов наперевес.

– Салют. О господи, – она сосредоточилась на Мариам. – Какого черта с тобой произошло?

– Раздражение, – занервничала та.

– А я думал, тебя пчелы покусали, – хмыкнул еще один незнакомый парень, которого Дуня не заметила сразу, а теперь, вот, как-то сразу возненавидела. Мариам опустила голову еще ниже.

– Ну, ты, Сиваков, и козлина! – фыркнула Вета.

– Вчера ты говорила иначе.

– Заткнись! – выпалила она в ответ и отчего-то зашлась густым румянцем. Дуня не успела узнать Вету поближе, да и, если честно, не горела желанием, но почему-то она была уверена, что ее румянец вызван скорее досадой, чем чувством стыда.

– Ну-ну, малышка, не кипятись. Я обожаю твой страстный темперамент, но сейчас…

– Сиваков! – грозным шепотом одернула парня Лавруша, – Заканчивай базар-вокзал!

Из-за жары торжественная линейка была совсем короткой. С напутственной речью выступили завуч и директор, после, какого-то черта, депутат – это тоже была очередная местная традиция, смысл которой ускользал от Дуни, сколько она ни старалась его постичь, потом еще был танец, и песня под занавес. А Семен все не появлялся.

Настроение Дуни окончательно испортилось. Они прошли в класс, расселись за парты. Как и следовало ожидать, ребята заняли свои прежние места. И ей ничего не оставалось, кроме как усесться за последнюю парту в среднем ряду наискосок от Мариам и Веты.

– Все еще раз здравствуйте! Очень рада видеть вас отдохнувшими и загорелыми. Сегодня, как вы знаете, у нас один урок – классный час. Так что не будем терять времени даром. Год нам предстоит сложный и очень ответственный…

Дуня попыталась сосредоточиться на словах Лавруши, но мысли то и дело возвращали ее к Семену. Интересно, что у него случилось? Почему он не пришел? Спросить бы у кого-то, так ведь ее интерес наверняка вызовет вопросы. Или, не дай бог, насмешки.

– Теперь перейдем к выбору президента класса. Кто за то, чтобы оставить Юлю Караулову? Или, может, у вас есть другие кандидаты? Новенькая… Евдокия, правильно?

Дуня вздрогнула. Сползла чуть ниже по стулу, чтобы не привлекать к себе дополнительного внимания, хотя как его можно было не привлекать, если все обернулись, чтобы на нее посмотреть?

– Все верно. Евдокия Степанова. Я за прежнего президента.

– Тогда принято единогласно. – Лавруша хлопнула ладонями по столу. – Что ж, Евдокия, тогда выходи к доске, будем тебя представлять.

Дуня сглотнула. Она не понимала, за каким чертом ей понадобилось выходить, но раз уж от нее требовали именно это, встала и прошла между рядов к доске. Скосила взгляд на Мариам в поисках поддержки, но та сидела, глядя на лист бумаги перед собой, и, прикрыв тот пухлой ладошкой, выводила на нем какие-то вензеля. Дуню замутило от запаха мокрой тряпки, мела и вековой пыли, осевшей на бархатных балдахинах. Ни жива ни мертва она замерла лицом к лицу с классом. Хотела даже что-то сказать. Может быть, пошутить, чтобы понравиться. У нее в самом деле было прекрасное чувство юмора. Но нарушая весь ее план, дверь в класс открылась, впуская в него… Семена.

Сердце Дуни запнулось и что есть силы затрепыхалось в горле. В отличие от всех других мальчиков, надевших светлый верх, Семен был целиком в черном. Но на их фоне он выделялся вовсе не поэтому. Семен был уже мужчиной, тогда как остальным ими только предстояло стать.

– Краснов! Ты ничего не попутал?! Линейка началась в девять! – возмутилась Лавруша. В ответ Семен проказливо улыбнулся, скосил взгляд на застывшую соляным столбом Дуню и, стремительно преодолев расстояние до учительского стола, сунул в руки классной руководительнице довольно потрепанного вида букет.

– Это я так долго цветы выбирал. Ваши любимые.

– Спасибо, – растаяла Валентина Лаврентьевна, но, вовремя опомнившись, вернула в голос так явно недостающую ему строгость: – Только не думай, что сможешь опаздывать каждый раз.

– И мысли не было, – Семен сложил ручки по швам. Ну, просто вылитый пай-мальчик. Если бы Дуня смогла отмереть, завороженная его улыбкой, она бы Сене поаплодировала.

– Так, значит, ребята, на чем мы остановились? Ах, да… На представлении. Принимайте в свой дружный коллектив. Евдокия Степанова. Прошу любить и жаловать. И во всем помогать.

Дуня прижала ладонь к груди и дурашливо поклонилась. Благодаря бога за то, что ей ничего не пришлось говорить. И под шумок прокралась на свое место. За одной партой с Семеном. Ну, надо же!

Не чувствуя ног, Дуня опустилась на стул. Чуть повернулась к нему и слабо улыбнулась.

– У меня для тебя кое-что есть, – шепнул Краснов ей на ухо.

– Правда?

– Угу. Век не расплатишься.

У Дуни пересохло во рту. Она чувствовала его запах, видела золотистые точки на самом дне глаз, он был так близко…

– Я бы не стала этого утверждать с такой уверенностью. Все зависит от того, какой ты потребуешь платы. И за что, – просипела.

– Вот за это…

Краснов отстранился, достал рюкзак и положил перед ней на парту…

– Мой паспорт! – воскликнула Дуня. И, конечно же, нарвалась на осуждающий взгляд Лавруши.

– Не только. Здесь много чего. Проверь, все ли цело…

– Но как ты нашел?

– Применил немного дедукции, – пожал плечами Семен. – Ну, что? Все на месте?

– Ага! – шепнула Дуня. – Вроде бы все, – прикусила губу и уставилась на него исподлобья. – И что же ты хочешь взамен?

Краснов наклонился к ней еще ближе, почти к самому уху. Было, конечно, глупо думать, что он поцелует ее при всем классе. Но на секунду Дуня почти поверила в то, что это случится. А потом зазвенел звонок на перемену… Ребята тут же повскакивали с мест, столпились в проходе. Дуня зачарованно моргнула.

– Похоже, кто-то за лето забыл, что звонок звенит для учителя! – попыталась призвать к порядку Лавруша. Да только ее никто не слушал. Митька Сиваков пронесся с боевым кличем мимо, смел листок с парты Мариам, на котором она весь урок что-то старательно выводила.

– Отдай!

– Так-так, что тут у нас…

– Я кому сказала, – чуть не плача, Мариам слишком резко встала. Юбка, которая ей была мала, лопнула и разошлась по шву. Дуня и Семен вскочили одновременно. Дуня – чтобы выхватить из рук козла-Сивакова не предназначенный для его глаз документ, Семен – чтобы прикрыть своим пиджаком оголившийся тыл подруги. Им удалось и то, и другое. Сиваков не ждал нападения от Дуни, и отобрать у него злосчастную бумажку оказалось проще простого. Дуня с облегчением выдохнула. Стараясь не смотреть, что же там такое написано, протянула записку Мариам. Но все равно невольно заметила, что та написала.

Женя. Евгений. Женечка… – этим именем в разных вариациях был исписан весь лист.

Глава 5

– Тише-тише! Ты же не думаешь расстраиваться из-за такой глупости? – осторожно придерживая пиджак, Семен обошел Мариам по кругу и попытался закрепить тот у нее на талии, – держится?

– Вроде да.

Краснов удовлетворенно кивнул.

– Вот и хорошо.

– Ничего хорошего, – горько шмыгнула носом Мариам. – Помнется ведь!

– Ну и черт с ним. Подумаешь, тряпка.

Семен мазнул злым взглядом по новенькому пиджаку. Если так разобраться, то лучшего применения для него невозможно было даже представить. За каким хреном он вообще решил спустить половину заработанных в августе денег на этот идиотский костюм? Уж не для того ли, чтобы что-то кому-то доказать? Или, не дай бог, покрасоваться перед Веткой? Или услышать от матери:

– Ох, Семушка… Какой ты красивый. Ну, просто вылитый отец. А галстук нужно вязать не так. Дай, я поправлю.

Знал бы, как тот его будет душить – ни за что бы не стал надевать. Но мать так давно не касалась Семена, что он, уже успевший забыть, как это приятно, послушно замер и не шевелился, пока она не закончила.

– Спасибо, мам, – пробормотал, глядя куда-то в сторону.

– Пожалуйста.

Ему нужно было что-то сказать. Сглотнуть ком, подперший горло, и хотя бы попытаться как-то до нее достучаться. Желательно без криков. По-взрослому. Надеясь, что его, наконец, услышат. Момент был и впрямь хороший.

– Тебе тетя Лали не смогла дозвониться. Ты не вышла на работу и сильно их подвела.

– Да-да. Очень жаль. Я немного приболела. Говорю девочкам выключать кондиционер хоть иногда, а они его, напротив, на всю катушку врубают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reznik_yuliya/nulevoy-kilometr

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить